

Ю.В. КИТОВ

**ЧЕЛОВЕК ИНТЕРЕСУЮЩИЙСЯ. –
М.: МГУКИ, 2001. – 255 с.**

В монографии предпринята попытка анализа интереса как феномена культурной практики и предмета теоретико-культурного исследования. Рассматриваются культурные интересы и культурные потребности как детерминанты культурной деятельности. Уделяется особое внимание исследованию национально-политического, нравственного, эстетического, экологического и информационного интересов.

Книга состоит из четырех глав. В главе первой интерес рассматривается как философско-методологическая проблема. В частности, представлен анализ понятия интереса в американской гуманитарной и общественной науке. Отмечается большое значение теоретических положений функционализма и развившего его структурного функционализма для понимания феноменов интереса и потребностей (концепции Б. Малиновского, А.Р. Редклифф-Брауна, Т. Парсонса, Б. Уильямса, А. Маслоу, Г. Шулера и др.). Отмечается, что в современной американской антропологии, социологии и философии интересу не уделяется в целом столь пристальное внимание, как в России: «Видимо, это связано с доминирующим в американской науке экономическим определением интереса как разницы между вложенными в дело и полученными в итоге средствами, а также социальной ролью экономики в жизни современного американского общества» (с. 13).

Переходя к анализу понятия интереса в современной российской науке, автор останавливается на различии его психологиче-

ской и философской трактовок. Психологи, как правило, концентрируются на специфике биологического и эмоционального состояния человека, поглощенного интересом. Физиологическим механизмом, сообщающим нам о наличии эмоции интереса, является брадикардия – уменьшение частоты сердечных сокращений: «На языке обыденного сознания это означает, что когда у человека возникает интерес, у него “захватывает дух”. Вместе с тем у человека захватывает дух не только от встречи с интересными объектами, иногда это происходит, например, от страха» (с. 35–36).

Природу интереса невозможно ограничить лишь эмоцией, необходимо ввести в поле исследований рациональную составляющую интереса и отвести ей не менее важную роль, что позволяет говорить об эмоционально-региональной диалектике интереса. Важным для исследования интереса является понятие потребности. Психологическая трактовка потребностей сегодня очень узкая, а теория интереса в целом не имеет «благоприятной почвы для своего развития в структуре психологических исследований» (с. 57).

Автор реферируемой работы исходит из деятельностной трактовки интересов и их специфической разновидности – культурных интересов. Деятельность рассматривается в качестве сферы проявления и объяснительного принципа интересов. «Несмотря на критику деятельностного подхода, можно констатировать, что категория деятельности дала возможность целому ряду наук по-новому взглянуть на их предметы, а психологию в свое время и вовсе вывела из кризиса» (с. 61).

Помимо деятельности в монографии рассматриваются и не-деятельностные формы отношения человека к миру, в том числе созерцание, состояние и сознательное поведение. Отличительным признаком человеческого созерцания выступает абстрактное мышление. Еще одним отличительным признаком, разводящим между собой созерцание и деятельность, является степень представленности в каждом из них интуиции. Рассмотрение интереса в структуре состояния мало дает для его понимания, поскольку феномен состояния пока не стал предметом пристального изучения ни в философии, ни в культурологии. «Наиболее оптимальным способом отношения и связи человека с миром и с самим собой, в структуре которого раскрывается понятие интересов, выступает деятельность» (с. 71). Деятельность является принципом не только

объяснения, но и структурирования интересов. «Культурная деятельность как национально ориентированная, нравственно оправданная, эстетически организованная, экологически значимая и информационно насыщенная, с одной стороны, создает условия для возникновения, а с другой – обуславливается национальными, эстетическими, нравственными, экологическими, информационными особенностями» (с. 83).

Глава вторая посвящена исследованию национальных интересов как феномена культуры. Национальный интерес не следует отождествлять с этническим, поскольку нация состоит из различных этносов. Национальный интерес шире этнического, «и в этом смысле отдельный этнос не может быть субъектом национального интереса» (с. 100). Интерес начинает приобретать черты национального, если в его содержании находят отражение потребности всех этнических групп, населяющих определенное государство. «Подобная “национализация” интереса будет возможной в случае государственной политики, направленной не на столкновение, а на согласование интересов, т.е. когда в выработку и реализацию национальных интересов включается еще один субъект – государство» (с. 101). Специфика государства как субъекта национальных интересов состоит в том, что оно придает интересам: 1) устойчивость; 2) pragматичность; 3) иерархичность. Государство обеспечивает полноту национальных интересов. «Еще одной функцией государства как субъекта является обеспечение мобильности, сменяемости интересов с тем чтобы интересы, более не отвечающие актуальным потребностям нации, оперативно менялись на адекватные национальным потребностям интересы» (с. 105). Различные системы государственного устройства по-разному выражают вышеуказанные составляющие национального интереса. «Демократическое государство более приспособлено для обеспечения полноты и мобильности, изменчивости интересов, так как именно на динаминости реагирования на имеющиеся новые интересы основана система организации власти» (там же). В авторитарном государстве легче обеспечиваются устойчивость и иерархичность интересов, «так как принятие решения в пользу той или иной составляющей национального интереса зависит от мнения элит в большей степени, чем от мнения народа» (там же). Государство нельзя считать идеальным субъектом национальных интересов. Реализация им

своей субъектной функции связана, как правило, с рядом проблем. Чаще всего национальный интерес базируется на единстве интересов как государства, так и гражданского общества. Однако нельзя трактовать его как механическую сумму государственных и общественных интересов.

Национальный интерес может иметь в своей структуре не только политический или экономический, но и культурный компонент, или выступать как феномен культуры. «В этом своем значении он тесно связан с национализмом как социально-политическим проектом и идеологией, так как именно они пробуждают его к жизни» (с. 115). Национальные интересы по своему характеру объективно-субъективны, а по своей структуре могут быть постоянными и временными, устойчивыми и изменчивыми. Национальные интересы формируются непосредственно – под воздействием объективных внутренних причин, и опосредованно – под воздействием внешнего влияния со стороны других государств, а также мировых экономических, политических и прочих процессов. Среди категорий социальной причинности, с которыми связан национальный интерес, следует выделить потребности, ценности и идеалы. Поскольку в своем происхождении национальные интересы связаны с образованием нации, их возникновение носит конкретно-исторический характер. Эволюционируя, национальные интересы могут составлять содержание деятельности как единичных субъектов (политических лидеров или представителей элит), так и коллективных (государства). Национальному интересу как культурному феномену присуща толерантность. «Культурные потребности, содержащиеся в основе национального интереса, могут удовлетворяться предметами иной культуры» (с. 135).

Глава третья рассматривает понятия нравственного и эстетического в аспекте проблемы интереса. Роль нравственных интересов в структуре культурных интересов человека чрезвычайно важна. «Она определяется как местом, которое занимает мораль в жизни отдельного индивида и общества, так и ролью, которую играют потребности в нравственных действиях для культурной целостности личности» (с. 135–136). Роль нравственных интересов в структуре культурных интересов проявляется также в том, что они придают личностную ответственность детерминируемой ими деятельности. В гуманистической этике проблема нравственных инте-

ресов изучается в связи с понятием удовольствия. Возникает вопрос: можно ли обнаружить действие нравственного интереса вне пределов удовольствия, например, в сфере действия моральных императивов, к которым относится долг? «Одними из тех, у кого можно было бы предположить наличие интереса в основании долга, были стоики» (с. 138). Если обратиться к этике И. Канта, следует вспомнить, что он видел основание долга в чистом разуме, очищенном от всего чужеродного, от предметности, от заинтересованности и т.д. «Поэтому искать действие нравственного интереса в суждении, обосновывающем нравственно должное, не представляется возможным» (с. 140). Таким образом, если искать основания нравственного интереса у Канта, то «он должен быть либо беспредметен, либо невозможен» (с. 140). А. Шопенгауэр считает критерием морально ценного поступка отсутствие эгоистической мотивации.

В современной российской этике проблеме детерминации нравственной деятельности не уделяется столь пристальное внимание, как это было в советские времена. Вероятно, это связано с рядом причин как собственно научного, так и социокультурного характера. Проблему нравственной мотивации, нравственных потребностей и нравственных интересов нельзя недооценивать, ее роль в развитии духовной культуры современного общества огромна. «Наличие нравственного мотива улучшает деятельность, делает ее нравственной и культурно значимой. Отличие нравственного интереса от других форм культурного интереса состоит в том, что его природа имеет мыслительные основания. Нравственный интерес рождается от осознания соответствия предмета деятельности нравственным нормам, ценностям, идеалам человека – носителя нравственной потребности» (с. 146). Нравственные потребности, несмотря на свою специфику, не являются исключением, «и человек в состоянии испытывать необходимость в нравственности в не меньшей степени, чем в еде или одежде, а нравственная деятельность может приносить человеку не меньшее удовлетворение, чем деятельность физическая, политическая, экономическая и т.д.» (с. 150). Нравственные потребности вплетены в структуру высших социальных потребностей. Нравственные интересы определяют сущность человека не только тем, что они возникают на базе этих потребностей, обозначая тем самым верхний уровень меры челове-

ка, они «способны определить и ее нижний уровень, так как интерес к совершению нравственного действия является отличительной чертой, выделяющей человека среди других форм существования жизни. Более того, нравственный интерес в состоянии ввести систему иерархии в человеческий мир и разделить его на высокий и низкий слой по нравственному критерию» (с. 160–161).

Анализируя природу эстетического интереса, автор приходит к выводу о ее объективно-субъективном характере как связи субъективных стремлений личности к реализации эстетических потребностей с общественными требованиями: «Эстетический интерес связан с эстетической потребностью как один из детерминантов эстетической деятельности, но и отличен от нее направленностью на конкретный предмет» (с. 162–163).

В главе четвертой рассматриваются экология и информация в качестве предмета культурного интереса. Понятие «экологический интерес» до сих пор не использовалось в категориальном аппарате культурологии и экологической науки. «Экологический интерес – это целенаправленное, обусловленное идеалами и социально-культурным опытом отношение человека к объектам удовлетворения своих экологических потребностей» (с. 183). Рассмотрение экологического интереса как звена в цепи «потребность–интерес–деятельность» обязывает провести анализ содержания всех его звеньев в их органической взаимосвязи. Экологические интересы могут рассматриваться как явления культуры только в том случае, если они стимулируют культурную деятельность. То же самое можно сказать и об информационных интересах. Информация пронизывает все стороны жизни человека: его биологическую природу, его социальную жизнь, воображаемую реальность (искусство, мифология). Сфера проявления информационных интересов многообразны: наука, искусство, образование и т.д., «однако в каждой из них информационные интересы, соединяясь с другими, тем не менее проявляют свою специфику, которая состоит в активном, обусловленном идеалом, целеустремленном отношении к объекту удовлетворения информационной потребности» (с. 212).

И.И. Ремезова